

УДК 81'27; 81'246.3

DOI: 10.17223/1998863X/40/13

Е.А. Найман

ПРОБЛЕМА УЧАСТНИКОВ РЕЧЕВОГО СОБЫТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАГМАТИКЕ

Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам, касающимся декомпозиции ролей участников речевого события, и взаимоотношению между ролями участия и грамматическими формами местоимения. Утверждается, что предыдущие теории оказываются несостоятельными, когда их применяют для объяснения форм компьютерно-опосредованной коммуникации. Например, гофмановская оппозиция между утвержденными и неутвержденными участниками разговора, а также его понятие «согладатая» становятся неадекватными для объяснения многообразных форм диалога в Интернете.

Ключевые слова: прагматика, речевое событие, участники, дейксис, компьютерно-опосредованная коммуникация.

Введение

В последнее время все чаще отмечается, что при изучении различных форм и видов коммуникации знание грамматики и лексики языка оказывается недостаточным. Интерпретация смысла высказываний определяется «грамматикой контекста» (Р. Сколлон), важнейшим компонентом которой выступают участники речевой ситуации. В чем состоит значимость проблемы участников речевого события для дисциплин, изучающих процесс коммуникации? Прежде всего, она важна для понимания феномена дейксиса, связывающего смысловые и контекстуальные параметры высказывания. И это неудивительно, поскольку отношение между языком и контекстом отражено в структуре языка при помощи дейктических категорий. Именно за счет дейксиса происходит грамматикализация основных характеристик речевого события, а потому при интерпретации высказывания дейктическая информация наиболее значима.

Одной из важнейших разновидностей дейксиса, наряду с пространственным и временным, является персональный дейксис, отвечающий за кодирование ролей участников речевого события. Первое лицо грамматикализует отношение говорящего к самому себе, второе лицо – к адресату, а третье – к «другому». В связи с этим легко обнаружить отражение персонального дейксиса в категориях лица, а также дифференциацию ролей участников речевого события в соответствии с данным грамматическим делением.

Исходя из этого традиционная концепция речевого события, разработанная в информационной теории, лингвистике, семиотике, литературной критике и социологии, предполагала бинарную структуру отношений между говорящим и слушающим, отправителем и получателем, адресантом и адресатом. Тем не менее вот уже несколько десятков лет в прагматике и социолингвистике активно обсуждаются недостатки биполярной модели речевого взаимо-

действия как основной или даже единственной формы человеческой коммуникации. Изучение дискурса из контекстуальной перспективы вызывает неудовлетворенность классической моделью коммуникативного акта. Для объяснения связи личности и дейксиса требуется как анализ гораздо более сложных социальных условий общения, так и учет взаимосвязей между ролями участников речевого события и их социальной идентичностью. Наиболее радикальную программу «декомпозиции» бинарной модели предложил Ирвин Гофман, по мнению которого такие «фольклорные» категории, как «говорящий» и «слушающий», следует «разложить на аналитически более мелкие составные элементы» [9. С. 129].

Многие исследователи, выступившие в поддержку этой идеи, полагают, что описание речевой ситуации требует гораздо большего количества категорий, нежели используемые в классической парадигме. По мнению классика современной прагматики С. Левинсона, философы и лингвисты используют слишком упрощенную конструкцию ролевой структуры речевой ситуации при анализе категорий первого и второго лица. Как отмечает Левинсон, «такие понятия, как «говорящий» и «адресат», мало пригодны для обработки грамматических различий, происходящих в дейксических системах различных языков» [13. С.184]. Если же двойственная система «говорящий – слушающий» перестает удовлетворять, то возникает вопрос о количественном и качественном определении категорий, необходимых для описания коммуникативной ситуации.

Методология

В данной статье предполагается всестороннее обсуждение, содержащее аналитический обзор и критический анализ состояния проблемы участников речевого события в современной прагматике и социолингвистике, а также определение границ наиболее влиятельных концепций при объяснении компьютерно-опосредованных форм коммуникации.

Методологической основой выступили три ключевых подхода к проблеме участников речевого события. Первый из них – этнографический, представленный в 70-х годах основателем «этнографии речи» Деллом Хаймсом, второй – социологический, разработанный в 80-х годах Ирвином Гофманом. Третий подход – социолингвистический, связанный с исследованиями 90-х годов новозеландского социолингвиста Алана Белла. В работе проводится сравнительный анализ указанных подходов, а также привлекаются работы представителей современной прагматики (С. Левинсон) и социолингвистики (Д. Ирвайн, У. Хэнкс), направленные на их критическое обсуждение. Предметом интереса всех этих исследований является «язык в ситуации», а их общим методологическим подходом можно считать теорию социальной индексальности, контекстности значения и деятельностной природы языка.

Теоретические основания

Одним из первых исследователей, выступивших против традиционного бинарного описания коммуникативной ситуации, был Делл Хаймс – пионер антропологического подхода в социолингвистике, создавший в начале 70-х

годов прошлого века проект этнографии коммуникации и оригинальную таксономию, способную помочь этнографу классифицировать и объяснять модели группового коммуникативного поведения.

Важнейшим компонентом речевой ситуации, по Хаймсу, являются его участники. Четыре категории описывают участников речевого события: Говорящий/Отправитель – авторитет, стоящий за сообщением; Адресант – тот, кто озвучивает сообщение; Слушатель/Аудитория – человек или группа людей, воспринимающие сообщение; Адресат – тот, к кому непосредственно обращено сообщение. Таким образом, Хаймс выделяет по две категории на Отправителей и Получателей. Нужно сказать, что люди в разных речевых сообществах по-своему квалифицируют участников речевой ситуации: «В зависимости от верований и обычаев категории Отправителей и Получателей по-разному распределяются среди членов данной группы» [4. С. 59].

Несмотря на то, что Хаймс определил роли участников события, их наиболее детальный анализ предложил его коллега по Пенсильванскому университету выдающийся социолог Ирвин Гофман, считавший понятие «участие» отправной точкой при изучении речи. Гофман обозначает понятием «статус участия» (participation status) отношение человека к произнесенному им в конкретной ситуации, а «каркасом участия» (participation framework) – общую комбинацию «статусов» в каждый момент времени.

В «Формах разговора» (1981) Гофман резко выступил против модели Отправителя, который самостоятельно создает текст, озвучивает его, выражая свои убеждения. Зачастую человек произносит заученные слова или читает заготовленный текст, не участвуя в его создании и не высказывая с его помощью собственного мнения. Вспомним русское выражение «Ты поешь с чужих слов!». К примеру, при синхронном переводе переводчик передает собеседнику слова другого человека. Говорящий способен пародировать чужой акцент, диалект, цитировать, повторять многочисленные высказывания, услышанные в средствах массовой информации или рекламе.

Гофман полагает, что местоимение «Я» не идентично категориям «говорящий» или «пишущий». Оно может относиться к трем различным ролям: Аниматору, Автору и Принциалу, входящим в состав «производственного формата» (production format) высказывания. Аниматор – это «звучащий ящик»; человек,двигающий губами и жестикулирующий. В модели Хаймса Аниматор соответствует Адресанту, а роль Отправителя подразделяется Гофманом на две: Автора и Принциала.

Автор – это стратег, который формулирует сообщение, отвечая за выбор слов и чувств, выраженных в тексте. При этом автор и физический аниматор не совпадают. Казалось бы, фразы «Я думаю», «Я полагаю», «Я хочу» обозначают реальные мысли, чувства и желания того, кто их произносит. Однако это не совсем так, поскольку, употребляя местоимение «Я», говорящий превращается в персону, характер или фигуру. Не являясь частью пространства реального речевого события, он становится элементом мира, о котором говорит. Когда человек произносит: «Я сегодня не могу ясно выражаться», то «Я» в этом высказывании – какой-то иной персонаж, близкий ему, но другой. Ведь на самом деле данная фраза проговаривается вполне отчетливо. Аниматор может воскликнуть: «Я лишился дара речи!», но при этом полностью до-

носит до слушателя содержание высказывания. Можно сказать: «Я люблю бананы», когда ими угощают, ненавидя их. Этой фразой человек не выражает свои реальные чувства, а произносит ее из вежливости.

Принципал – это институциональный авторитет или инициатор, стоящий за словами, чью позицию и убеждения выражают высказанные слова. Принципалом может быть конкретный человек, как в примере Гофмана из его работы «Анализ фреймов», «когда Джон, отвечая Мэри по телефону, в порядке услуги поворачивается к Гари и говорит: «Мэри хочет знать, можешь ли ты прийти туда вечером», тогда Джон (...) лишь звуковой генератор приглашения; принципалом, ответственным источником сообщения является Мэри, даже если она не передает приглашение лично» [3. С. 619]. В этом случае Мэри совершенно не обязана физически присутствовать в момент речевого события. У Мэри, кроме того, может быть подруга, от имени которой также поступило это приглашение. В таком случае принципал становится коллективным.

За произнесенными словами у говорящего всегда стоит социальная идентичность или роль, от лица которых он высказывается. Как правило, субъектом речи выступает глашатай социальной группы, сообщества, коллектива, обращаясь к слушателям от имени некоего общего «мы». Понятие «Принципала» тесно связано с многообразием социальных ролей. Индивид способен быстро менять социальные роли и идентичность, но при этом способности Автора и Аниматора остаются неизменными. Говорящие очень часто в разговоре для того, чтобы подчеркнуть, что выражают не свою позицию, а группы, к которой принадлежат (команды, офиса, фирмы, школы, семьи, политической партии), переключаются на институциональный голос, используя местоимение «мы».

Пьер Бурдьё в работе «Что значит “говорить”». Экономика языковых обменов» (1991) полагает, что человек становится авторитетом и получает власть в обществе, когда какая-либо группа дает ему право говорить от ее имени, делая его своим доверенным лицом или «глашатаем» [7]. Взамен биологического тела он получает тело учредителя: «Государство – это Я». К примеру, сутана, латынь или церковнославянский выступают необходимыми символами, дающими основание говорить от имени Церкви или Бога. Причем текст, произносимый священником, не обязательно понимать; главное – признавать его легитимность. Свидетельством уважения к «глашатаю» выступают такие обращения, как «Его Высочество», «Его Преосвященство», которые не столько говорят о признании личности, сколько о признании назначившего его института. Именно поэтому уважительные формы обращения носят глубоко политический характер.

В большинстве современных государств на президента возложено право говорить от имени страны. Однако зачастую он делает это через своего пресс-секретаря, который превращается в аниматора слов, написанных спичрайтерами (авторами) от имени президента (принципала). Во многих культурах выделялись люди, выполнявшие функцию «носителя слов вождя». На острове Тикопия, в Меланезии, вожди не выступали перед племенем на собраниях, а давали инструкции своим помощникам, сообщавшим народу волю вождя, который не считал нужным даже присутствовать на собраниях. От

имени библейского пророка Моисея, по причине его косноязычия, говорил его брат Аарон.

Несмотря на то, что говорящий исполняет все три роли одновременно, различать их необходимо, поскольку существуют ситуации, в которых участники стремительно меняют роли и их распределение перестает быть очевидным. Например, в радиointerview ведущий озвучивает вопросы зрителей, зачитывая их, а затем может задавать их от своего имени или в течение лекции преподаватель обращается к цитатам классиков, а потом предлагает свои комментарии. В этих случаях бывает довольно непросто проследить ролевое переключение.

В начале 90-х гг. новозеландский социолингвист Алан Белл, исследуя процесс создания новостных историй, в особо сложные речевые события вводит четвертую роль [5]. Белл полагал, что автор может выполнять различные функции по отношению к тексту. «Автор» Гофмана у него подразделяется на «Автора» и «Редактора/Редакторов» (Editor/Editors). В результате у Отправителя, наряду с ролью Автора и Принципала, появляется новая роль Редактора. Иерархическая структура участников усложняется. Помимо Принципала существует Автор, создающий начальный вариант (драфт) проекта новостной истории. После этого история проходит через руки редакторов, вносящих изменения в текст до тех пор, пока в окончательном виде его не прочтает или не опубликует Аниматор.

Белл отмечает, что каждая роль в новостном процессе осуществляется в особом речевом событии, а всякий прежний вариант текста встраивается в последующий. Журналист со своими целями и нормами взаимодействия, подготавливая текст, передает его редактору – жертве своих профессиональных обстоятельств. Это только кажется, что журналист – единственный автор новостного репортажа, создающий его синтаксическую и дискурсивную форму. На самом деле он компилирует из многочисленных источников: интервью, материалов пресс-конференций, пресс-релизов, отчетов, предыдущих сообщений на ту же тему. Фрагменты этих текстов появляются в репортаже в виде цитат или аудио-видеоклипов. Роль Редактора состоит в редактировании, т.е. преобразовании начального текста в другой, отличный по форме, но сходный по содержанию. Редакторские изменения касаются удаления избыточной информации, лексических замен, синтаксических изменений и т.д. В результате зритель слышит новостную историю, наполненную текстуальными наслоениями, но при этом неспособен докопаться до ее первоисточника.

Однако эта «слоистость» характерна не только для новостей; она свойственна и повседневному общению. М. Бахтин настаивал на том, что многие наши разговоры наполнены словами, приходящими к нам из уст других людей, а большинство услышанных историй подвергается существенному редактированию: «Наша речь во всех областях жизни и идеологического творчества переполнена чужими словами, переданными со всеми разнообразными степенями точности и беспристрастия» [1. С. 91]. Роль редакторов приложима к анализу языковых событий всех типов, включая Интернет-тексты.

Говорящим в речевой ситуации требуется адресат – второе и третье лицо местоименной парадигмы. «На мой взгляд, – отмечает Белл, – социолингвистику от лингвистики отличает изначальный интерес к слушателю, аудито-

рии. Теоретическая лингвистика не оставляет место слушателям. По существу, идеалом говорящего / слушающего для Хомского выступает исключительно говорящий. Он / она никогда не слушают» [6. С. 109]. Ранее отмечалось, что Хаймс отделил адресатов от большого количества «ложных» слушателей. Гофман предложил еще более подробную дифференциацию категории «Слушатель / Аудитория». Он полагает, что в любой речевой ситуации существует два вида участников: санкционированные и несанкционированные. Одни имеют свое законное социальное место в разговоре, а другие его лишены. Санкционированные участники – это члены аудитории, которым прямо адресован речевой акт, на кого смотрит говорящий и ожидает ответных реакций. Такого человека (или людей) можно назвать Адресатом, вторым лицом – «ты» или «вы». В диалоге роль второго лица очень важна, поскольку в зависимости от адресата говорящие изменяют как форму, так и содержание речи. Манера речи отправителя определяется «дизайном реципиента», т.е. знаниями и оценкой социальных характеристик адресата.

Однако разговор предполагает участие множества людей. Третьи лица также могут быть санкционированные и несанкционированные. Санкционированные третьи лица физически присутствуют во время речевого события, но прямого обращения к себе не предусматривают. Например, дети, сидящие за обеденным столом, или слуги, подающие еду во время разговора хозяев дома. Если разговор не двусторонний, а включает целый круг официальных лиц, то говорящий может либо обращаться ко всем, устаивая взглядом каждого, либо визуально сосредоточивается на единственном слушателе, оставляя без внимания остальных.

Несанкционированных третьих лиц Гофман называет Свидетелями (By-standers), подразделяемыми на Подслушивающих (Overhearers) и Соглядатаев (Eavesdroppers). Про Подслушивающих говорящему известно, что их появление на визуальном или звуковом горизонте возможно, но обращение к ним не предусмотрено. Обычно такие люди случайно становятся участниками разговора. Не желая того, они могут вмешаться в разговор, услышав его фрагмент, но при этом, как правило, дают о себе знать и извиняются, отказываясь подслушивать дальше. При этом не исключено, что такие свидетели станут санкционированными, продолжив участие в разговоре. Соглядатаи – это шпионы, о которых говорящему ничего не известно. Они занимаются тайным наблюдением, записывая разговор, или же злонамеренно подслушивают, скрываясь за занавеской.

Специфическая комбинация всех этих ролей и отношений в течение высказывания, по терминологии Гофмана, называется «каркасом участия» (participation framework) конкретного момента разговора. По большей части эти роли аудитории назначаются говорящим, а физическое месторасположение, телесная ориентация или направление взгляда определяют «кто есть кто» в разговоре. Зачастую физическая дистанция между говорящим и слушающим совпадает с их ролевой дистанцией: Адресат расположен физически ближе, а Соглядатаи – дальше. Жесты или изменение тона голоса также имеют большое значение при назначении адресата.

В двуязычном сообществе выбранный язык может безошибочно номинировать адресата в разговоре, а языковое перключение способно изменить ста-

тус участников беседы. Сьюзан Гал описывала ситуацию в Оберварте (Австрия), когда двое молодых людей вели шутливый разговор на немецком в присутствии пожилой мамы. В какой-то момент беседы один из них, обращаясь к маме, переключился на венгерский, чтобы о чем-то ее спросить. Пожилая женщина была Слушателем, когда разговор шел на немецком, и превратилась в Адресата, когда выбрали венгерский [8. С. 121]. На языковой выбор говорящего может повлиять не только адресат, но и Подслушивающий. Джон Гамперц обнаружил довольно строгое правило в двуязычном немецко-словенском сообществе на юго-западе Австрии: существует жесткий запрет на разговор по-словенски в смешанной компании. Туристы неделями могут жить в деревне, не подозревая, что в ней говорят еще на каком-то языке, кроме немецкого [10. С. 47]. А С. Гал и Нэнси Дориан открыли идентичную ориентацию двуязычных сообществ с противоположными результатами. В Оберварте, в гостинице, группа билингвов переключалась с немецкого на венгерский, когда их просили об этом свидетели за соседним столиком, совершенно спокойно. Однако в Восточном Сазерленде (Великобритания) группа билингвов в баре от подобной просьбы перейти с гаэльского на английский отказывалась наотрез.

Аудитория является наиболее важным компонентом массовой коммуникации. Оригинальность подхода Гофмана состоит в том, что физическое присутствие в речевой ситуации не обязательно делает участника частью аудитории, а физическое отсутствие не исключает его полноправного участия в ней. Как отмечает А. Белл, в контексте массовой коммуникации аудитория не только обособлена от отправителя, но и сами ее представители изолированы друг от друга. Причем коммуникатора и аудиторию разделяет как пространство, так и время. В телевизионном вещании, например, большинство контента транслируется не вживую, а в записи. Кроме того, представление о составе своей аудитории у создателей массового продукта весьма расплывчато. В масс-медийных ситуациях каждый человек может оказаться Подслушивающим. К примеру, во время телевизионного интервью у нас имеется аудитория, физически присутствующая: интервьюируемый (адресат), продюсеры, техники, операторы, возможно, зрители в студии (утвержденные реципиенты). Однако наряду с ней подключена и внешняя массовая аудитория, отделенная от речевого события пространством и временем.

Дискуссия

Несомненно, что все три формы лица местоименной парадигмы в классической лингвистике являются онтогенетическими прототипами социальных ролей. Хотя и существуют языки, обходящиеся без третьего лица (например, ряд австралийских языков), все же в большинстве из них сохраняется неизменная триада: «говорящий», «адресат» и «другой». В связи с этим лингвист-антрополог Вильям Хэнкс задается любопытными вопросами: если выделение традиционных ролей говорящего и слушающего упрощает модель речевого события (как утверждает Гофман и его последователи), то почему в этом случае естественные языки имеют столь примитивные местоименные парадигмы? Если Гофман потребовал «декомпозиции» ролевой системы участия, то почему бы не осуществить ее и относительно местоимений первого и вто-

рого лица? Отчего языки лишены более «точных» форм различения ролевых отношений помимо «я» и «ты»? Исследователь отмечает: «Понятно, что язык предоставляет синтаксические средства для их обозначения, но почему не совершается их лексикализация?» [11. С. 165]. Как объяснить безразличие языков к расширению и детализации ролевой системы участников речевого события?

Первое возможное объяснение связано с тем, что местоимения универсальным образом демонстрируют семантику, основанную на диалогической ситуации речевого высказывания. Таким образом, «говорящий» и «слушающий» исчерпывают роли участников, а третье лицо таковым не является. Как известно, Э. Бенвенист утверждал, что «говорящий» субъект формируется дейктической областью самого процесса говорения. Несмотря на то, что язык без выражения лица вообразить невозможно, не все местоимения грамматической парадигмы имеют его свойства. Арабские грамматисты называли форму третьего лица «отсутствующим лицом»: «Он (или она) может служить формой обращения к кому-то присутствующему, когда его хотят исключить из личной сферы «ты» [2. С. 265]. При выражении почтения третье лицо выступает формой вежливости, возвышающей собеседника над уровнем лица, а может выражать презрение, унижающее его как лицо. Важно, что «перевод единственного числа во множественное в личных местоимениях не является простой плюрализацией» [2. С. 266].

Множественные формы первого и второго лица на самом деле таковыми не являются, а превращаются в «расширенные» лица, присоединяющие некоторое возможное внеличное Другое («не-я» или «не-ты»). Только «не-лицо, расширенное и не ограниченное в своем выражении, обозначает неограниченную совокупность наличных существ» [2. С. 269]. Таким образом, если «я» и «ты» определяют дейктическую область в момент выполнения речевого акта, устанавливая социальные отношения, то в этом случае эта область предполагает расширение и проскальзывание в нее многообразных ролей участия, возникающее за счет совмещения альтернативных дейктических сфер и текущего прагматического контекста, то есть смешения и несовпадения дейктических категорий с контекстом взаимодействия.

Второе объяснение связано с тем, что диаду первого и второго лица можно обнаружить в двусторонней природе системы взятия репличного шага, которая универсальна для неформального разговора. Для двусторонней системы не имеет значения число возможных участников речевого события и их роли. В этой связи важно отметить, что, несмотря на то, что грамматикализация ролей свойственна большинству языков, грамматическая актуализация роли участника события не обязательно кодируется одними местоимениями. Роли могут быть обозначены как в морфологии глагола, так и в вокативных формах. К примеру, среди некоторых национальностей Индии принято при обращении к вышестоящему использовать глаголы и местоимения во множественном числе. В японском, баскском языках при близких отношениях говорящего к адресату к глаголу добавляется дополнительный морфологический признак, произносимый в конце глагола.

Нужно отметить, что проблема грамматикализации многообразия ролей участников в различных языках достаточно сложна. Кроме того, между множествами категорий лица и ролей участия существуют пересечения: одни

способны «проникать» в другие. Например, известен случай, когда прагматические формы второго лица используются для референтов, не являющихся участниками события; формы третьего лица или первого лица используются для субъекта, находящегося в роли адресата (снисходительное «мы»). В русском языке есть «Ваш покорный слуга», а в персидском существует обозначение для говорящего «джанэб» – «эта сторона», его произносит человек, называя себя, при обращении к вышестоящему.

Роль участника может кодироваться косвенным образом во временном, пространственном и социальном дейксисе. Левинсон полагает, что в различных частях грамматики возможно обнаружить все виды ролей, о которых говорил Гофман. Например, в области социального дейксиса, где отношения участников по отношению к происходящему речевому событию закодированы в лингвистических формах. Наиболее типичным образом это проявляется в кодировке социального статуса говорящего по отношению к адресату или говорящего по отношению к третьему лицу. Существуют почтительные обращения, указывающие на другие виды ролей участников.

Антрополог Джудит Ирвайн, ученица Д. Хаймса, работавшая в 70-е гг. в Сенегале и изучавшая народ волоф, полагает, что декомпозицию ролей участников можно производить до бесконечности. Всегда существует возможность помыслить более сложную модель конфигурации участников, поскольку в любой момент найдутся варианты участия, которые не предусмотрены той или иной моделью. Встречаясь с такими случаями, исследователь будет вынужден постоянно искать новые классификации. Ирвайн утверждает: «Мне думается, что существует опасность, связанная с подходами к декомпозиции ролей участников; если роли фрагментируются, то они не перестают восприниматься как изначальные, универсальные, а их число признается конечным» [12. С. 135]. В этом случае такие модели, оторванные от контекста, будут отличаться от классической диады «говорящего – слушающего» лишь количественно.

Проблема ролей участия тесно связана с контекстом, коммуникативным актом, который «соотносится с другими актами, включая прошлые, будущие, гипотетические, сознательно избегаемые и т.д., и эти отношения – пересекающиеся фреймы, которые, если хотите, наполняют информацией структуру участия в каждый данный момент» [12. С. 135]. Другими словами, различение ролей предполагает диахроническую контекстуализацию, о которой говорили Бахтин и Волошинов, обсуждая проблему «голоса» и авторства. Возникнув из рассмотрения специфики повествования и речи в романе, понятие «многоголосия» связано с такими формами дискурса, которые невозможно просто приписать индивидуальному акту Говорящего или Автора.

Нужно отметить тот факт, что рассматриваемые теории Хаймса, Гофмана и даже Белла возникли в эпоху, предшествующую современной IT-революции. Интернет-коммуникация еще более усложняет систему ролевого взаимодействия ее участников и проблематизирует ряд категорий, описывающих общение «лицом-к-лицу». Специфические черты онлайн взаимодействия, связанные с асинхронностью и публичной природой сообщений, оказывают существенное влияние на «каркас участия». В целом ряде случаев в процессе онлайн полилога становится затруднительным определить единый

круг участников речевого события, поскольку не существует какой-либо фиксированной группы или коллективного фокуса. Каждый участник в любую минуту может присоединиться или покинуть разговор. Асинхронность компьютерной коммуникации не позволяет рассматривать взаимодействия в рамках единого временного фрейма. К примеру, вторая часть смежной пары в разговоре может быть произведена спустя неделю после первой. Состояние речевого события становится открытым, и разговор может постоянно возобновляться.

В компьютерной коммуникации очень часто возможно идентифицировать только Аниматора, но не Автора. Например, довольно трудно определить автора, посылающего сообщение в новостную группу. При этом управление процессом обмена сообщениями значительно усложняется, ибо отвечающий на сообщение не может быть полностью уверен, что его реципиент – это ожидающий получить от него ответ. По этой причине авторы иногда указывают в сообщении способы связи с ними помимо новостной группы.

Особенно проблематичным в свете интернет-опосредованной коммуникации выглядит гофмановское разделение участников на санкционированных и несанкционированных. Такая ролевая категоризация перестает соответствовать речевому событию онлайн. Особенно сомнительным выглядит понятие «санкционированного участника» по причине асинхронности компьютерного общения. Ведь посланное сообщение может быть прочитано в любой момент каждым человеком, подключенным к Интернету. Другими словами, невозможно знать состав участников события в каждый данный момент времени, поскольку группа постоянно видоизменяется.

В контексте сетевого общения каждый становится потенциальным Соглядатаем – нератифицированным и безадресным ноунеймом. Для Гофмана данная категория явно содержит негативные моральные коннотации. Однако в ситуации компьютерного общения роль человека, читающего чужие сообщения и не оставляющего каких-либо следов своего присутствия, становится вполне легитимной. Такая роль – всего лишь знак низкого уровня вовлеченности в процесс общения. Соглядатай фактически превращается в «санкционированного» участника речевой ситуации. И действительно, когда автор посылает сообщение, то прекрасно знает о существовании соглядатаев и вынужден включать их в состав своих реципиентов. Этот случай не предусмотрен моделью Гофмана: X знает, что Y – получатель его сообщения, но он не способен его видеть и не знает, кто он (Y – Соглядатай). Исходя из этого роль Соглядатай в онлайн общении выглядит парадоксальной. В результате сама оппозиция между санкционированными участниками и свидетелями, теряя свой смысл, перестает соответствовать новым формам онлайн-коммуникации.

Выводы

В настоящее время отмечается весьма низкий уровень теоретической разработанности проблемы участников речевого события, что во многом отражает современный уровень понимания данного вопроса. Мы имеем, с одной стороны, достаточно упрощенный подход к индексальным выражениям, связанным с некоторыми аспектами пространственного, временного и персонального дейксиса, а, с другой стороны, не систематизированное мно-

гообразии лингвистических и социальных форм речевого взаимодействия, реализуемых в современных коммуникативных практиках. Тем не менее более развитая система категорий для описания ролей участников речевых событий может быть крайне полезна для точного описания дейктических категорий.

Поскольку персональный дейксис лежит в основе всех дейктических систем естественных языков, то категория «роли участников» является фундаментальной для понимания контекста значения. В связи с этим необходимо провести как можно большее число различий в сфере персонального дейксиса. Это следует сделать хотя бы для того, чтобы избежать довольно часто встречающегося в лингвистической и философской литературе смешения категорий «адресат» и «слушатель», «говорящий» и «автор высказывания», «реципиент» и «целевая аудитория» и т.д. Кроме того, более подробная конкретизация ролей станет важным компонентом для компаративного анализа речевых событий в различных обществах и культурах.

Необходимо отметить и тот факт, что при анализе вербального взаимодействия, несомненно, существует уклон в изучение диалогического взаимодействия. Тем не менее во всех обществах существует полилог, испытывающий явный дефицит исследовательских техник. Современные формы компьютерно-опосредованной коммуникации показывают необходимость развивать независимую прагматическую структуру возможных ролей участников, содержащую значительно большую разновидность социально-дейктической информации. Несмотря на важность таксономий Хаймса и Гофмана, значение которых трудно переоценить, следует признать их ограниченность в отношении исследования широко распространенных в настоящее время многообразных форм сетевой коммуникации.

Литература

1. Бахтин М. Слово в романе // М.М. Бахтин: собр. соч. Т. 3. М.: Языки славянских культур, 2012.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
3. Гофман И. Анализ фреймов. М.: Институт социологии РАН, 2004.
4. Хаймс Д.Х. Этнография речи // Новое в лингвистике. Вып. VII: Социолингвистика. М.: Прогресс, 1975.
5. Bell A. Language style as audience design // *Language in Society*. 1984. No 13. P. 145–204.
6. Bell A. Style in dialogue: Bakhtin and sociolinguistic theory. *Sociolinguistic variation: Theories, Methods, and Applications*. Cambridge Univ. Press, 2007.
7. Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge UK: Polity Press, 1981.
8. Gal S. Language Shift: Social Determinants of Linguistic Change in Bilingual Austria. New York: Academic Press, 1979.
9. Goffman E. *Forms of Talk*. Philadelphia; Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 1981/1983.
10. Gumperz J. *Discourse strategies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
11. Hanks W. F. Exorcism and the description of participant roles. *Natural Histories of Discourse*. Chicago, Illinois: The University of Chicago, 1996. P. 131–159.
12. Irvine J. Shadow conversations: The indeterminacy of participant roles. *Natural Histories of Discourse*. Chicago, Illinois: The University of Chicago, 1996. P. 131–159.
13. Levinson S. C. Putting linguistics on a proper footing: Explorations in Goffman's concepts of participation. Erving Goffman. *Exploring the Interaction Order*. Boston, Massachusetts: Northeastern University Press. 1988. P. 161–227.

E-mail: enyman17@rambler.ru

DOI: 10.17223/1998863X/40/13

THE PROBLEM OF PARTICIPANTS IN A SPEECH EVENT IN MODERN PRAGMATICS

Key words: pragmatics, speech event, participants, deixis, computer-mediated communication.

Perhaps one of the most fundamental problem of contemporary pragmatics is that of the participants in a speech events. Nevertheless this problem, its significance and interpretation, has so far been practically ignored in Russian linguistics. The purpose of this paper is to present the modern discussion field to this problem. The first part of the paper offers an summary of the problem as it stands today. I attempt to summarize the conception of participation from D. Hymes and E. Goffman to A. Bell. Wherein Goffman's conception is more extensive than Hymes's and Bell's and the importance of it can hardly be overestimated. In the article is analyzed a three main approaches to the problem: ethnographic, sociological and sociolinguistic. The second part focuses on the limitations of the theories that illustrates by a review of the most important critical papers involving this problem. The critical direction is presented by S. Levinson, J. Irvine and W. Hanks. Emphasis is on the discussion of decomposition of participants roles and relationship between participant roles and person forms. The paper also asserts that the phenomenon of computer's communication is very difficult to explain on this theories. The theory becomes untenable when applied to account for polylogue on Internet. For examples, the Goffman's concepts of Eavesdropper and «unratified participant» are inadequate for explanation many forms of computer-mediated communication.

References

1. Bakhtin, M. (2012) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Yazyki slavyan-skikh kul'tur.
2. Benveniste, E. (1974) *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. Translated from French. Moscow: Progress.
3. Goffman, E. (2004) *Analiz freymov* [The analysis of frames]. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences.
4. Hymes, D.H. (1975) *Etnografiya rechi* [Ethnography of speech]. In: Chomodanov, N.S. (ed.) *Novoe v lingvistike. Vyp. VII: Sotsiolingvistika* [New in linguistics. Issue. VII: Sociolinguistics]. Moscow: Progress.
5. Bell, A. (1984) Language style as audience design. *Language in Society*. 13. pp. 145–204.
6. Bell, A. (2007) Style in dialogue: Bakhtin and sociolinguistic theory. In: Bayley, R. (ed.) *Sociolinguistic variation: Theories, Methods, and Applications*. Cambridge University Press.
7. Bourdieu, P. (1981) *Language and Symbolic Power*. Cambridge UK: Polity Press.
8. Gal, S. (1979) *Language Shift: Social Determinants of Linguistic Change in Bilingual Austria*. New York: Academic Press.
9. Goffman, E. (1981/1983) *Forms of Talk*. Philadelphia; Pennsylvania: University of Pennsylvania Press.
10. Gumperz, J. (1982) *Discourse strategies*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Hanks, W.F. (1996) Exorcism and the description of participant roles. In: Silverstein, M. & Urban, G. (eds) *Natural Histories of Discourse*. Chicago, Illinois: The University of Chicago. pp. 131–159.
12. Irvine, J. (1996) Shadow conversations: The indeterminacy of participant roles. In: Silverstein, M. & Urban, G. (eds) *Natural Histories of Discourse*. Chicago, Illinois: The University of Chicago. pp. 131–159.
13. Levinson, S.C. (1988) Putting linguistics on a proper footing: Explorations in Goffman's concepts of participation. In: Drew, P. & Wootton, A.J. *Exploring the Interaction Order*. Boston, Massachusetts: Northeastern University Press. pp. 161–227.